

С. Н. Касаткин¹

«УПАДОК ГЛОБАЛИЗАЦИИ» И ЕГО СЛЕДСТВИЯ ДЛЯ РЕФЛЕКСИИ ПРАВОВЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Драматичные процессы в мире последних лет, включая пандемию COVID-19 и противостояние России и Запада из-за Украины, во многом подорвали оптимистичные прогнозы о «конце истории» и всеобщей победе либеральных ценностей². Все чаще говорится о кризисе прежних экономических, политических и социокультурных моделей миропорядка, об упадке глобализации³. Оказывая серьезное влияние на институты государства и права, эти процессы составляют важный предмет теоретического осмысления, требуя фиксации наметившихся тенденций и пересмотра старых понятий и установок политико-правовой науки⁴. Данный мотив лежит в основе настоящих тезисов, содержащих 1) очерк базовых смыслов и государственно-правовых следствий глобализации и 2) рефлексии их трансформации в изменившейся обстановке.

Глобализация, государство и право. Раскрывая концепт глобализации, ее можно представить как эмпирический факт, теорию и идеологию⁵.

В качестве *эмпирики* она отсылает к преобразованиям общемирового характера: либерализации и росту в мировой торговле и рынках, глобальной коммуникации, сетям, миграции, изменениям климата, растущей вестернизации и гибридации культур, усилению взаимозависимости государств, интернационализации права. Глобализация раскрывается через параметры экстенсивности, интенсивности и скорости глобальных взаимодействий, через «глокализацию» — взаимное конституирование глобальных и локальных проблем, когда местные события могут иметь общемиро-

вые следствия, а мировые события материализуются на местах⁶.

В качестве *теории* глобализация связана с отрицанием «методологического национализма» и «вестфальской модели» права, центрирующих национальные государства как базовый элемент обществ модерна и методологическую рамку их изучения, и переходом к теориям мировой конвергенции, анализу мировой системы, концепциям «права и развития» и постколониализма.

В качестве *идеологии* глобализация выступает политическим проектом или идеалом миропорядка. Примером является идеология неолиберализации (роста индивидуальной свободы, эмансипации рынков от государства, создания нового *lex mercatoria*) или идеология космополитизма (единого, гомогенизированного мира, основанного на общих правилах, всемирном гражданстве и общечеловеческих ценностях)⁷.

В изложенном виде глобализация меняет базовые параметры государства и права⁸. Во-первых, она проблематизирует классическую *территориальность* государства и права, снижая эффект географических расстояний и официальных границ. Это обусловливает: а) рост юридического значения негосударственных факторов и легитимацию экстерриториальности права; б) усиление и гармонизацию международного трансграничного сотрудничества; в) изменение статуса государственных границ от физических барьеров к формальным критериям правоприменения; г) формирование новых аспектов юрисдикции (киберпространство и пр.)⁹.

Во-вторых, глобализация влияет на *население* государства, традиционно связанное с государствообразующей нацией и гражданством. Увеличение миграции ведет к а) либерализации оснований приобретения гражданства, б) признанию института бипатризма/полипатризма, а также в) равноправию граждан и иностранцев. Усиливается и роль негосударственных/транснациональных идентичностей лиц, признаваемых государством в свете начал мультикультурализма и правового плюрализма¹⁰.

В-третьих, глобализация оспаривает *монопольную организацию власти*. Растет глобальная взаимозависимость государств, их включенность в трансгранич-

¹ Доцент кафедры теории права и философии Самарского государственного экономического университета, кандидат юридических наук. Автор более 185 научных публикаций, в т. ч.: «Юриспруденция и словоупотребление. Проект юридической догматики», «Как определять социальные понятия? Аскриптивизм и отменяемость юридического языка в концепции Герберта Харта», «Концепция „раннего“ Р. Дворкина как „третья теория права“», «Значимость правовой теории: интегративность, догматика, вызовы контекста», «Культурный плюрализм, пароклиальность правовых понятий и рецепция инокультурного опыта» и др.

² См.: Fukuyama F. The End of History and the Last Man. N. Y., 1992.

³ См., например: Дуткевич П., Казаринова Д. Б. Конец эпохи глобализации: причины и последствия // Глобальный мир: системные сдвиги, вызовы и контуры будущего : XVII Междунар. Лихачевские науч. чтения, 18–20 мая 2017 г. СПб. : СПбГУП, 2017. С. 79 ; Проданов В. От глобализации к деглобализации // Там же. С. 173 ; Громько Ал. А. (Дез)интеграционные процессы: кризис «глобального мира» // Обозреватель. 2020. № 7. С. 24–38 и др.

⁴ См., например: Глобальный мир: системные сдвиги, вызовы и контуры будущего : XVII Междунар. Лихачевские науч. чтения, 18–20 мая 2017 г. СПб. : СПбГУП, 2017 ; Контур будущего в контексте мирового культурного развития : XVIII Междунар. Лихачевские науч. чтения, 17–19 мая 2018 г. СПб. : СПбГУП, 2018 ; Мировое развитие: проблемы предсказуемости и управляемости : XIX Междунар. Лихачевские науч. чтения, 22–24 мая 2019 г. СПб. : СПбГУП, 2019 и др.

⁵ Подробнее см.: Michaels R. Globalization and Law: Law Beyond the State // Michaels R. Law and Society Theory. Oxford, 2013. P. 1–7 ; Касаткин С. Н. Государство, право и правовая теория: эффекты и вызовы глобализации // Глобальный мир: системные сдвиги, вызовы и контуры будущего : XVII Междунар. Лихачевские науч. чтения, 18–20 мая 2017 г. СПб. : СПбГУП, 2017. С. 484.

⁶ См.: Global Transformations: Politics, Economics, and Culture / D. Held, A. McGrew, D. Goldblatt, J. Perraton. Stanford, 1999. P. 14–28 ; Sousa Santos B. de. Toward a New Common Sense. 2nd ed. Cambridge, 2002. P. 179–180 ; Michaels R. Op. cit. P. 3–4.

⁷ См.: Michaels R. Op. cit. P. 6–7.

⁸ Подробнее см.: Michaels R. Op. cit. P. 11–14 ; Касаткин С. Н. Указ. соч. С. 484–485.

⁹ См.: Globalisation and Jurisdiction / ed. by P. J. Slot, M. Bulterman. Dordrecht, 2004. P. 105 ; Beyond Territoriality: Transnational Authority in an Age of Globalization / ed. by G. Handl, J. Zekoll, P. Zumbansen. Leiden ; Boston, 2012 ; Michaels R. Op. cit. P. 11–12.

¹⁰ См.: Michaels R. Op. cit. P. 11–12 ; Kofman E. Citizenship, Migration and the Reassertion of National Citizenship // Citizenship Studies. 2006. № 9. P. 453 ; Falk R. The Decline of Citizenship in an Era of Globalization // Citizenship Studies. 2000. № 1. P. 4.

ные альянсы с делегированием полномочий, гармонизацией права и прочим, ведя к «упадку/разделению» классического суверенитета. Повышается роль религиозных, этнических, экономических регулятивов, учитываемых государством через их а) трансформацию в нормы государственного права, или б) включение как его подсистем, или в) признание в качестве значимых для правоприменения фактов¹.

В-четвертых, следствием глобализации является всемирный правовой плюрализм, противостоящий пониманию *права как* референтной государству *единой системы* («вестфальская модель»). Образуется тесная взаимосвязь и одновременно конкуренция поднациональных, государственных, международных и негосударственных элементов регулирования, ведя к размыванию границ национального и международного, частного и публичного, государственного и негосударственного права².

«Деглобализация»: базовые тренды. Краткая история XXI века оказывается насыщенной различными событиями мирового значения, во многом изменившими прежние образцы и образы глобализации. Сегодня можно говорить о новых трендах в организации внутригосударственных и международных отношений.

Во-первых, это рост бедности и социального расслоения, разрушение среднего класса, атомизация обществ, усиление социальной напряженности, общее углубление мирового экономического кризиса, экономического неравенства и конфликтности между странами и регионами³.

Во-вторых, это изменение мирового баланса сил, ее «сдвиг» от глобального Севера к глобальному Югу, от Америки и Европы к Юго-Восточной Азии: коллективный Запад утрачивает монопольное господство на фоне усиления роли иных регионов в управлении глобальными и региональными процессами⁴.

В-третьих, это кризис неолитерализма как экономической модели и политико-правовой идеологии, выступающей инструментом гиперглобализации и обслуживающей интересы финансовой олигархии, транснационального капитала и правящих элит, воспитанных на принципах «Вашингтонского консенсуса», однополярного мира, военных интервенций и пр.⁵

В-четвертых, это кризис глобальных политических институтов и усиление роли/власти национальных государств, ведомых своим «национальным эгоизмом» и ориентированных на обеспечение своей автономии в международных отношениях, своего «экономического», «политического», «технологического», «информа-

ционного», «культурного» и тому подобного суверенитета⁶.

В-пятых, это сдвиг от выстраивания глобальных универсальных политико-правовых пространств к фрагментации международных отношений, их регионализации — к формированию экономико-политических зон и военных альянсов вокруг наиболее сильных мировых держав⁷.

В-шестых, это проблематизация прежних стандартов прав человека и гражданина, их границ и перечней/иерархий (приоритета политических прав перед социально-экономическими): растет авторитаризация государственного управления, расширяются основания ограничений прав личности (обеспечение здоровья, безопасности, политической морали), сворачиваются институты социального государства⁸.

В-седьмых, размываются прежние образцы морали, рациональности, самоидентичности, усиливается чувство неопределенности и страха перед стремительными и труднопредсказуемыми изменениями как на индивидуальном уровне, так и на уровне обществ, углубляется кризис доверия к существующим политическим институтам и стандартам поведения (кризис нормативности и легитимности)⁹.

Изложенные тенденции существенно меняют облик современного мира, однако их вряд ли следует считать «концом глобализации», параметры которой в целом сохраняются и в качестве эмпирики, и в качестве теоретической рамки рассуждений. Скорее, речь должна идти об определенной стадии мировых процессов, об упадке определенной (западноцентричной, неолитеральной) модели глобализации и о кризисе соответствующей глобалистской идеологии.

«Деглобализация» и правовые ценности. С одной стороны, ценности выступают основой существования социальных институтов, используемых моделями восприятия, мышления, поведения, с другой — это компонент, который сам укоренен в социальных практиках и является предметом активного формирования, манипулирования, что обуславливает повышенное внимание к их обсуждению и концептуализации.

Отмеченные изменения в глобальных трендах прямо отражаются на рефлексии связанных с правом ценностей, предполагая их инвентаризацию, переоценку, в том числе потенциально, отказ от «ненадежных и дискредитировавших себя» ценностных образцов и матриц. Это особенно важно в текущем контексте межгосударственных противостояний, когда разрушается единое смысловое политико-правовое пространство, основанное на принципах и процедурах международного права, когда активно практикуются пренебрегающие правом стратегии и приемы, двойные стан-

¹ См.: *Michaels R.* Op. cit. P. 12–14.

² См.: *Berman P. S.* *Global Legal Pluralism: A Jurisprudence of Law Beyond Borders.* Cambridge, 2012; *Richards S.* *Globalization as a Factor in General Jurisprudence* // *Netherlands Journal of Legal Philosophy.* 2012. Vol. 41. P. 129; *Twining W.* *Globalisation and Legal Theory.* Cambridge, 2000. P. 82–88; *Michaels R.* Op. cit. P. 11–12.

³ См., например: *Громыко Ал. А.* Указ. соч. С. 25 и посл.; *Дуткевич П.* Ключевые противоречия мирового порядка // *Контуры будущего в контексте мирового культурного развития: XVIII Междунар. Лихачевские науч. чтения, 17–19 мая 2018 г.* СПб.: СПбГУП, 2018. С. 76.

⁴ См., например: *Дуткевич П., Казаринова Д. Б.* Указ. соч. С. 80; *Громыко Ал. А.* *Метаморфозы политического неолитерализма // Современная Европа.* 2020. № 2. С. 9 и посл.

⁵ См.: *Громыко Ал. А.* *Метаморфозы политического неолитерализма.* С. 17 и др.

⁶ См., например: *Громыко Ал. А.* (Дез)интеграционные процессы... С. 27 и др.

⁷ См., например: *Громыко Ал. А.* (Дез)интеграционные процессы... С. 27; *Дуткевич П.* Указ. соч. С. 74–75.

⁸ См., например: *Громыко Ал. А.* (Дез)интеграционные процессы... С. 27–28.

⁹ См., например: *Дуткевич П., Казаринова Д. Б.* Указ. соч. С. 11–12; *Шолте Я. А.* Легитимность в глобальном управлении — краеугольный камень предсказуемости мирового развития // *Мировое развитие: проблемы предсказуемости и управляемости: XIX Междунар. Лихачевские науч. чтения, 22–24 мая 2019 г.* СПб.: СПбГУП, 2019. С. 240 и посл.

дарты и ангажированные оценки, а «общечеловеческие ценности» используются как экономический, военный и тому подобный ресурс.

Как представляется, подобные события, требуя учета, не означают или не должны означать автоматического отказа¹ от традиционно ассоциируемых с Западом ценностей гарантированной свободы личности, демократического политического устройства, юридического верховенства и определенности, разделения властей, независимости суда и тому подобного — эти ценности имеют огромное значение для современного права и государства и закреплены во многих конституциях, включая Конституцию Российской Федерации, не говоря о том, что таковые не являются монополией какого-либо политического субъекта/общ-

ности. Скорее, следует вести речь о переосмыслении данных ценностей в новом историческом контексте: о нахождении нового баланса между ценностями либерализма, консерватизма и коллективизма², мировыми, региональными и национальными ценностями³, ценностями права и иных социокультурных регуляторов⁴ и пр. На фоне девальвации юридических критериев и инструментов в международных и внутригосударственных отношениях особая задача правоведа видится в высвечивании идущих вразрез с ними образцов мышления и действия, в продвижении ценностей российской Конституции и ценности самого права⁵ как одного из системообразующих механизмов самосохранения и развития личности и современных обществ.

¹ См., например: *Ромашов Р. А.* Право как явление национальной культуры: проблемы соотношения интерпретаций // Проблемы эффективности права в современной России: материалы Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 т. Краснодар, 2016. С. 45–53 ; *Каландаришвили З. Н.* Специфика и особенности российской правовой культуры в контексте исторических преобразований // Право и государство: культурологическое измерение : II Междунар. науч.-практ. конф. СПб., 2017. С. 32–34. Подробнее см. также: *Касаткин С. Н.* Культурный плюрализм, пароксизмальность правовых понятий и рецепция инокультурного опыта // Контуры будущего в контексте мирового культурного развития : XVIII Междунар. Лихачевские науч. чтения, 17–19 мая 2018 г. СПб. : СПбГУП, 2018. С. 503.

² См.: *Громыко Ал. А.* Метаморфозы политического либерализма. С. 17 и др.

³ См., например: *Дуткевич П.* Указ. соч. С. 75–76.

⁴ См.: *Коттерелл Р.* Правоведы и философы: Радбрух и Дворкин // Правоведение. 2013. № 2. С. 225–229. Подробнее см.: *Касаткин С. Н.* Миссия правоведа в условиях глобальной нестабильности: концепция Роджера Коттерелла // Мировое развитие: проблемы предсказуемости и управляемости : XIX Междунар. Лихачевские науч. чтения, 22–24 мая 2019 г. СПб. : СПбГУП, 2019. С. 488–490.

⁵ См., в частности: *Пермяков Ю. Е.* Философские основания юриспруденции. Самара, 2006. Гл. 1 ; *Мартышин О. В.* Тенденции развития российской правовой системы в новой международной обстановке // Мировое развитие: проблемы предсказуемости и управляемости : XIX Междунар. Лихачевские науч. чтения, 22–24 мая 2019 г. СПб. : СПбГУП, 2019. С. 508 и др.